

1859

В заключение мы расскажем об обеде, который дан был в честь г. Мартынова, 10 марта.

Около 5 часов в большой зале ресторана Мартена /Люссо/ собрались до 40 человек литераторов и почитателей Мартынова, на днях отправляющегося за границу, чтобы выразить ему, как горячо и искренно ценят они его великий талант, его честное служение искусству, его независимый и безукоризненный характер и пожелать ему доброго пути и полного восстановления его расстроенного здоровья... Мартынов приехал к 5 часам и был встречен единодушным восторгом. — Обед очень был оживлен. В конце его г. Дружинин обратился к Мартынову с следующим словом от лица всех присутствовавших:

«Александр Евстафьевич!

«Уже много лет, как мы все, здесь собравшиеся читатели высокого дарования вашего, следим с живейшим сочувствием за вашей артистической деятельностью. Мы чтим в вас не только артиста, одаренного высоким талантом, но и мужественного бойца за честь русского искусства, так часто улекаяемого на ложную дорогу. Мы видим в вас художника с здравым и возвышенным направлением, художника русского по твердости, русского по неуклонному своему постоянству. В других странах Европы великие артисты имеют за себя богатую драматическую литературу, сотни ролей, исключительно для них написанных лучшими писателями. — наконец публику, воспитанную на строгих идеях изящного. Вам судьба назначила действовать в другой сфере. Наша сценическая литература не богата, немногие из лучших писателей наших трудятся для театра. Наперекор всем невыгодным и подчас невыносимым условиям, — вы честно делали свое дело и ни шагу не отступили перед трудностями, вас окружавшими. Может быть, самый этот гнет неблагоприятных обстоятельств был плодотворен для вашего гения, для того внутреннего огня, который вы навсегда сохранили в своем сердце. Русскому дарованию необходима борьба и могучий труд — вся история нашего искусства служит подтверждением этой истине».

«Примите же, наш высокоталантливый друг, выражение искреннего поздравления по поводу последних заслуг ваших. Настоящий год будет памятен в летописях русского театра, благодаря ролям, истинно созданным вами на удивление всем поклонникам вашим. Мы здесь в своей семье, и потому не нуждаемся ни в каких льстивых выражениях. Искренности приветя нашего вы заподозрить не можете. А потому вы смело поверьте голосу людей, из которых все душой ценят сценическое искусство, а многие выдали блистательнейших его представителей на всех театрах Европы. По нашему искреннему и нелицемерному мнению, — в ряду современных артистов, вы стоите первым между первыми. И в Англии, и в Германии, и во Франции вы можете встретить достойного соперника, — но не найдете ни одного победителя».

«Берегите же себя для славы нашего родного театра. Храните свое здоровье и свой талант, как нашу общую драгоценность; и пусть судьба пошлет вам сладкие месяцы отдыха под чужим небом, после честного и славного труда, за который, в лице нашем, благодарят вас все читатели изящного в нашем отечестве!»

Привет этот встречен было и прерываем в нескольких местах жаркими рукоплесканиями и после него провозглашен был тост Мартынова.

Вслед затем представитель нашей драматической литературы в сию минуту, писатель, поддерживающий после Гоголя честь русского репертуара, обратился к Мартынову и произнес голосом, ис-

227

полненным глубокого чувства:

"Александр Евстафьевич! Публика вас ценит и любит; каждая новая роль ваша для публики новое наслаждение, а для вас новая слава; вы постоянно слышите громкие выражения восторга, вызванного вашим дарованием и тридцатилетним честным служением искусству; вы наконец накопили столько приятных ощущений в зрителях, что они сочли долгом выразить вам лично и торжественно свою благодарность за те минуты наслаждения, которых вы были виновником: но в огромном числе почитателей вашего таланта есть некоторые, — их у нас очень не много, — которым ваши успехи ближе к сердцу, которым ваша слава дороже, чем кому-нибудь, это — драматические писатели, от лица которых я беру на себя приятную обязанность принести вам искреннюю благодарность.

"Можно угодить публике, угождать ей постоянно, не удовлетворяя несколько автору; примеры этому мы видим часто. Но ни один из русских драматических писателей не может упрекнуть вас в этом отношении. Этого мало, каждый из нас, я думаю, должен признать, что игра ваша всегда была одною из главных причин успеха наших пьес на здешней сцене. Вы не старались выиграть в публике на счет пьесы, напротив — успех ваш и успех пьесы были всегда неразрывны. Вы не оскорбляли автора, вырывая из ролей серьезное содержание и вставляя, как в рамку, свое, большее частью характера шутивого, чтоб не сказать резче. Ваша художественная душа всегда искала в роли правды и находила ее часто в одних только намеках; вы помогали автору; вы угадывали его намерения, иногда неясно и неполно выраженные; из нескольких черт, набросанных неопытной рукой, вы создавали оконченные типы, полные художественной правды. Вот чем вы и дороги авторам; вот отчего и не мыслима постановка ни одной сколько-нибудь серьезной пьесы на петербургской сцене без вашего участия; вот отчего, даже при самом замысле сценического произведения, каждый писатель непременно помнит о вас и заранее готовит для вашего таланта место в своем произведении, как верное ручательство за будущий успех. Поблагодарим вас и за то, что вы избегали искушения, которому часто поддаются комики, искушения и тем более опасного, что оно льстит скорым, без труда достигаемым успехам: — вы никогда не прибегали к фарсу, чтоб вызвать у зрителей пустой и бесплодный смех, от которого ни тепло, ни холодно. Вы знаете, что кроме минутной веселости, фарс ничего не оставляет в душе, а продолжительный или часто повторяемый — доставляет актеру в лучшей публике вместо уважения — чувство противоположное.

"Наконец, самую большую благодарность должны принести вам мы, авторы нового направления в нашей литературе, за то, что вы помогали нам отстаивать самостоятельность русской сцены. Наша сценическая литература еще бедна и молода — это правда; но с Гоголя она стала на твердой почве действительности и идет по прямой дороге. Если еще и мало у нас полных, художественно законченных произведений, за то уже довольно живых, целиком взятых из жизни типов и положений, чисто русских, только нам одним принадлежащих; мы уже имеем все задатки нашей самостоятельности. Отстаивая эту самостоятельность, работая вместе с нами для оригинальной комедии и драмы, вы заслуживаете от нас самого горячего сочувствия, самой искренней благодарности. Если бы новое направление, встретившее на сцене огромный переводный репертуар, не нашло сочувствия в артистах, дело бы было сделано только в половине. Ваше художественное чувство указало вам, что в этом направлении правда и вы горячо взяли за него. Приобретая известность репертуаром переводным, вы не смотрите с неудовольствием на новые произведения, — вы знаете, что переводы эфемерных фран-

цузских произведений не обогатят нашей сцены, что они только удаляют артистов от действительной жизни и правды, что успех их внеразборчивой публике только вводит наших артистов в заблуждение на счет их способностей, и рано или поздно им придется разочароваться в этом заблуждении. Несмотря на все старания на всю добросовестность исполнения переводных пьес, нашим артистам никогда не избежать смеси французского с нижегородским. Переводные пьесы нам нужны, без них нельзя обойтись; но не надо забывать также, что они для нас дело второстепенное, что они для нас роскошь; а насущная потребность наша в родном репертуаре. Честь и слава вам, Александр Евстафьевич! Вы поняли отношение переводного репертуара к родному и пользуетесь тем и другим с одинаковым успехом.

"Вы едете запасаться здоровьем. Счастливого вам пути! Запасайтесь им как можно более! Для нас, драматических писателей оно дороже, чем для когонибудь. Верьте, что между искренними желаниями вам долгих дней, желания наши самые искренние."

"Гр! Я предлагаю выпить еще раз за здоровье Александра Евстафьевича".

Эта речь Островского произвела сильное впечатление на всех и глубоко расстрогала артиста, который со слезами на глазах произнес несколько слов, в которых он изъявил свою благодарность всем присутствовавшим за их дружеское, радужное расположение к нему.

В заключение обеда Некрасов произнес Мартынову следующие стихи:

Со славою прошел ты полдороги,
Полдopoги ты доблестно свершил,
Мы молим одного: чтоб даровали боги
Тебе на долго крепость сил!
Чтоб в старости, бывшее вспоминая,
Могли мы повторять, смеясь:
"А помнишь ли, гурьба какая
"На этот праздник собралась?
"Тут не было ни почестей народных,
"Ни громких хвал, — одним он дорог был:
"Свободную семью людей свободных
"Мартынов вокруг себя в тот день соединил!
"И чем же, чем? Ни подкупа, ни лести
"Тут и следа никто не мог бы отыскать!..."
Мы знаем все: ты стоишь большей чести,
Но мы даем, что можем дать!

Стихи эти, при громких рукоплесканиях, были повторены по желанию Мартынова и по общему востребованию.

После обеда поднесен был Мартынову альбом фотографически портретов всех присутствовавших литераторов, превосходно выполненных лучшим петербургским фотографом г. ДЕНЬЕРОМ. Г. Деньер, также присутствовавший на этом обеде, поднес с своей стороны Мартынову — мастерски снятый портрет с Ольриджа в роле "Лиры".

Этот артистический праздник надолго сохранится в памяти артиста, в честь которого он был устроен, и в памяти всех нас — почитателей его великого таланта...